

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П78/Х1У

Тов. Руденко, Москва товчу

17.УШ 1954 г.

Выписка из протокола № 78 заседания Президиума ЦК от 13 августа 1954 г.

О деле Косарева А.В.

Принять предложение т. Руденко о прекращении дела Косарева А.В. и реабилитации его.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату не позже, чем в 7-дневный срок
в Канцелярию Президиума ЦК КПСС

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
4838
-5АВГ 1954
СНЯТ С УЧЕТА-БС
В ГРУППУ "ОСОБОЙ ПАПКИ"
ОБЩЕГО ОТДЕЛА
ЦК КПСС

Ц К К П С С

Прокуратурой СССР рассмотрено дело по обвинению бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева Александра Васильевича и установлено:

Косарев еще в период работы врага народа Берия в Грузии считал, что в руководстве партийными органами он проводит неправильную линию, о чём и говорил в узком кругу комсомольских и партийных работников. Об этом 21 ноября 1937 года дал показания арестованный бывш. начальник Политотдела Закавказской железной дороги Арутюнов С.А. (копия протокола его допроса приобщена к делу по обвинению Косарева).

Арутюнов показал, что в 1934 году Косарев, Салтанов, Гобечия, Георгий Твалчерлидзе, Жоржоладзе и Амвросий Рамишвили, находясь в Первомайской гостинице г.Москвы, критиковали выступление Берия по вопросу об искажении истории компартии Грузии, причём Косарев утверждал, что Берия притесняет старых большевиков, имея в виду Ф.Махарадзе и Миха Цхакая.

Об этих высказываниях стало известно Берия, в связи с чем Косарев пытался выяснить у Арутюнова, кто сообщил Берия о разговорах, имевших место в гостинице.

При расследовании дела Багирова была допрошена жена Косарева - Нанейшвили М.В., которая заявила, что её муж считал Берия человеком нечестным, способным на любую провокацию и в качестве примера приводил случай компрометации бывшего полномочного представителя ОГПУ в Закавказье Реденса.

711443

Розсмотреть членами Президиума,
ЦК КПСС.

В. Молчанов
6 VII - 54.

Нанейшвили также показала, что в начале 1937 года Косарев приехал с Багировым к себе на дачу в Волынское и за ужином провозгласил тост: " За настоящее партийное руководство в Закавказье, которого сейчас там нет..." Багиров ничего не ответил и затем уехал.

Вскоре после этого, как показывает Нанейшвили:

"...муж, придя с работы и будучи расстроенным, рассказал мне, что Багиров сообщил Берия о содержании тоста, произнесенного у нас за ужином. По словам мужа, на каком то совещании он встретился с Берия, который обиженным тоном стал выяснять, почему муж не считает его, Берия, настоящим партийным руководителем. Попытка мужа сначала отрицать этот случай, а затем как-либо его смягчить оказалась безрезультатной, так как Берия сообщил, что ему все известно со слов Багирова..."

При допросе Багиров не отрицал посещения дачи Косарева, но заявил, что содержания произнесенных последним тостов он не помнит.

О переходе Берия на работу в НКВД СССР Нанейшвили узнала раньше Косарева и когда ему об этом сообщила, то, по ее словам, он очень расстроился и был испуган.

28 ноября 1938 года Берия лично явился на квартиру Косарева, арестовал его и произвел обыск.

В момент прощания с мужем, по приказанию Берия была арестована и Нанейшвили, хотя в отношении неё никаких компрометирующих данных не было.

Расследование по делу Косарева Берия поручил бывшему заместителю начальника Следчасти Шварцману (арестован) фальсификатору следственных дел.

На первом допросе 28 ноября 1938 года и последующих очных ставках с другими арестованными Косарев категорически отрицал обвинение в "изменнических делах..." и "предательской работе против партии и государства...", высказывал надежду, что в его деле разберутся и признал себя ответственным лишь за отдельные ошибки, допущенные при подборе и выдвижении комсомольского актива.

Как показал Шварцман, Берия, узнав об этом, приказал применить в отношении Косарева меры физического воздействия и добиться от него признания. Косарева жестоко избивала группа следователей под руководством врага народа Влодзимирского, причём, как заявил Шварцман:

"... арестованный, поняв безвыходность своего положения, согласился давать показания о своей вражеской работе..."

Установлено, что составленный после избиений Косарева протокол его допроса от 5 декабря 1938 года, подписанный Берия и Шварцманом, сфальсифицирован, так как первые его пять страниц перепечатаны из протокола допроса Косарева от 28 ноября 1938 года, когда он отрицал обвинения, а затем уже добавлены показания о признании им своей вражеской деятельности.

Эту фальсификацию признал и Шварцман, объяснив, что она произведена по предложению Берия и для того, чтобы в инстанции / куда была послана копия протокола/, "... видели процесс активного изобличения Косарева..."

В результате избиений и пыток Косарев признал себя виновным в том, что являлся руководителем контрреволюционной право-троцкистской организации в комсомоле, где и проводил террористическую и шпионскую деятельность.

О надуманности и неправдоподобности " признания" Косарева свидетельствуют его показания в протоколе от 5 декабря 1938 года. На вопрос, какими средствами проводилась им подрывная работа, Косарев ответил:

"... мы вели работу по политическому разложению комсомола, притуплению его боевых качеств, разбуханию и засорению его рядов, сведению на-нет идейно-воспитательной работы, вместо чего поднимали на щит гармошку и галстух, направляли внимание молодежи в сторону культурничества, отвлекая ее от насущных политических задач дня.

Мы выдвигали к руководству комсомолом наших сторонников, враждебных партии и ведущих борьбу с ней, сеяли в рядах молодежи недовольство существующим положением в стране и формировали кадры, готовые в нужный момент к открытой вооруженной борьбе против советской власти..."

Конечные цели " вражеской работы" Косарева в протоколе допроса сформулированы так:

"... свержение советской власти, восстановление капитализма в стране, приход к руководству блока из правых и троцкистов, включая в этот блок анти-советские силы и нас, представителей контрреволюционной молодежи..."

Шварцман признал, что он с врагом народа Кобуловым избивали бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ Пикину В.Ф. /ныне реабилитированную/ с целью получить от неё показания о вражеской деятельности Косарева . Такие же требования к Пикиной предъявлял и лично Берия.

Пикина 29 апреля 1954 года показала:

"... В конце допроса Берия мне сказал, чтобы я дала показания на Косарева, как на врага народа. На это я ответила, что ложных показаний о Косареве я дать не могу..."

На второй день я была вызвана Кобуловым, который мне сказал, что арестованы мой отец, мать и ребенок, что "вы должны спасти их и себя" и требовал от меня дать показания на Косарева..."

Однако Пикина ложных показаний о Косареве не дала.

Неправдоподобность "признания" Косарева была очевидна и самому Шварцману, что видно из его же показаний от 28 июля с.г. :

"...В результате расследования и общения с Косаревым у меня не сложилось убеждения о причастности его к шпионажу и террору. По этой причине запись показаний по этим обвинениям... я производил так, чтобы несостоятельность этих обвинений была более или менее очевидна. Опять-таки по этой причине я стремился при записи показаний Косарева избегать упоминания лиц, не арестованных и не осужденных во избежание новых арестов по делу..."

Однако, несмотря на все это, дело по обвинению Косарева с обвинительным заключением, утвержденным врагом народа Кобуловым, было направлено на рассмотрение в Военную Коллегию Верховного Суда СССР. В судебном заседании Косарев признал себя виновным, подтвердил свои показания, данные на следствии, и 23 февраля 1939 года по приговору суда был расстрелян.

Тот факт, что Косарев не заявил о самооговоре, избеганиях и попытках, можно объяснить только тем, что Берия и Шварцман прибегли еще и к обману, т.е. обещали сохранить Косареву жизнь в случае подтверждения им своих вымышленных показаний на суде. По этому поводу Шварцман дал следующие показания:

"... При вызове Косарева до или после заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР, не помню, я, вопреки существовавшему порядку, сам дал Косареву

бумагу и предложил написать заявление о сохранении ему жизни на имя Берия...
Такое заявление было Косаревым написано и его я лично, минуя непосредственных начальников, доложил Берия. Однако Берия, прочитав заявление, выругался, просьбу Косарева отклонил, а заявлению дальнейшего движения не дал..."

Впоследствии Берия и его сообщники по сфальсифицированным материалам репрессировали жену Косарева - Нанейшвили М.В. и его дочь / когда она через 10 лет после ареста отца достигла совершеннолетия/.

В настоящее время эти лица полностью реабилитированы.

Таким образом, приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что Берия расправился с Косаревым как с негодным и опасным для него человеком.

Полагал бы принести протест о прекращении дела Косарева для посмертной его реабилитации.

Прошу Ваших указаний.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР

Ф. Руденко
Ф.РУДЕНКО

" 21 " августа 1954 года
№ 169 лс